

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/umdogs>

Политика Украины в Каспийском регионе в 1991–2024 гг.: от многовекторности к кризису

Белашенко Дмитрий Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород
eLibrary Author SPIN: 8974-7667
<https://orcid.org/0000-0002-0692-3418>
Scopus Author ID: 58161197300
dmi-belashhenko@yandex.ru

Шоджонов Имомидин Фозилович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород
eLibrary Author SPIN: 2113-3846
<https://orcid.org/0000-0003-0913-2440>

Гудкова Елизавета Олеговна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород
eLibrary Author SPIN: 9631-8303
<https://orcid.org/0009-0008-5959-4831>

Аннотация: Рассмотрены особенности внешней политики Украины в Каспийском регионе в постсоветский период. Основной акцент сделан на ключевых региональных приоритетах Киева (двусторонние отношения с государствами региона), институтах (региональные и межрегиональные международные организации) и сферах взаимодействия (энергетика, логистика). В статье представлены результаты исследования декларировавшихся Украиной направлений и принципов внешней политики, отраженных в доктринальных документах, двусторонних и многосторонних соглашениях, уставных документах, и реальные практические результаты, достигнутые за период 1991–2024 гг. Цель – выявить основные особенности, характеристики и тенденции каспийского вектора внешней политики Украины. Применены принципы историзма и объективности, теории среднего звена (уровня) и теория международных режимов в трактовке Стивена Краснера, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы. Выявлено, что Украина имела достаточный потенциал для становления в качестве важного связующего звена между Каспийским регионом в целом или его отдельными государствами и другими регионами мира, а также могла выступить в качестве катализатора формирования перспективного Черноморско-Каспийского региона. Однако имеющиеся возможности были упущены Киевом либо не получили практической реализации в силу ряда причин, среди которых основными, по мнению авторов, являются отсутствие стратегического внешнеполитического планирования, распыление ограниченных ресурсов на курс многовекторности, замещение реальных государственных интересов эфемерными лозунгами о европейском выборе, преобладание политической конъюнктуры над долгосрочными перспективами.

Ключевые слова: энергетические проекты, логистика, транспортные коридоры, ГУАМ, внешняя политика Украины, многовекторность, Украинский кризис, Каспийский регион

Цитирование: Белашенко Д. А., Шоджонов И. Ф., Гудкова Е. О. Политика Украины в Каспийском регионе в 1991–2024 гг.: от многовекторности к кризису. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 541–551. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-541-551>

Поступила в редакцию 17.02.2025. Принята после рецензирования 30.04.2025. Принята в печать 05.05.2025.

full article

Ukraine's Policy in the Caspian Region in 1991–2024: From Multi-Vector to Crisis

Dmitry A. Belashchenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

Russia, Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 8974-7667

<https://orcid.org/0000-0002-0692-3418>

Scopus Author ID: 58161197300

dmi-belashchenko@yandex.ru

Imomidin F. Shodzhonov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

Russia, Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 2113-3846

<https://orcid.org/0000-0003-0913-2440>

Elizaveta O. Gudkova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

Russia, Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 9631-8303

<https://orcid.org/0009-0008-5959-4831>

Abstract: Ukraine's post-Soviet foreign policy in the Caspian region is reflected in doctrines, bilateral and multilateral agreements, and statutory documents, as well as in the actual steps performed by the country in this direction in 1991–2024. The article describes various aspects of the Caspian vector, e.g., regional priorities, local and international institutions, and areas of interaction (energy, logistics, etc.). The authors combined the principles of historicism and objectivity with the middle range theory and Stephen Krasner's regime theory to conduct a comparative historical and chronological study of political documents and actual results. Ukraine could have become a link between the entire Caspian region or some of its states and the rest of the world, thus catalyzing the development of a prosperous Black Sea-Caspian region. However, it either missed these opportunities or failed to implement them. The reasons included poorly strategized foreign policy, when the country dispersed its limited resources on a multi-vector course, replacing its actual interests with abstract slogans about the European choice while choosing political conjuncture over long-term prospects.

Keywords: energy projects, logistics, transport corridors, GUAM Organization for Democracy and Economic Development, Ukraine's foreign policy, multi-vector, Ukrainian crisis, Caspian region

Citation: Belashchenko D. A., Shodzhonov I. F., Gudkova E. O. Ukraine's Policy in the Caspian Region in 1991–2024: From Multi-Vector to Crisis. *SibScript*, 2025, 27(3): 541–551. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-541-551>

Received 17 Feb 2025. Accepted after peer review 30 Apr 2025. Accepted for publication 5 May 2025.

Введение

С момента распада СССР в декабре 1991 г. Украина являлась одним из ключевых государств новообразованного региона постсоветского пространства. Это объяснялось многочисленными факторами геополитического, демографического, экономического, инфраструктурного характера [Жильцов 2018; Курылев, Дегтерев 2018а; 2018б]. Выгодное географическое положение страны, наличие больших запасов природных ресурсов, богатое наследие в виде большого количества предприятий, вовлеченность в региональные и трансрегиональные логистические маршруты позволяли Украине претендовать на статус лидера среди бывших союзных республик, а в перспективе как минимум и Восточной Европы.

Одним из регионов, долгое время находившихся в фокусе внешнеполитического внимания Украины, был Каспий. После распада СССР геополитическая борьба вокруг этого уникального по своим природным характеристикам и географическому положению водоема существенно обострилась. Если ранее Каспийский регион всецело находился в ведении всего двух государств – СССР и Ирана, которые, несмотря на большое количество противоречий в отношениях, тем не менее не допускали какого-либо обострения ситуации и не предъявляли друг другу претензий относительно пересмотра статуса Каспийского моря или смещения установленных водных границ, то после 1991 г. число

прибрежных государств увеличилось до пяти за счет появления независимых Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. Рост числа прикаспийских государств привел к значительному усложнению внутрирегиональных отношений, поскольку стороны долгое время не могли договориться об окончательном статусе Каспия (является он морем или озером), принципах его раздела, урегулировать многочисленные проблемы двусторонних отношений (например, раздел спорных месторождений углеводородов) [Жильцов, Тулинов 2023: 131–133; Рубан 2018: 118–120]. Кроме того, в новых геополитических условиях к Каспийскому морю и региону в целом стали проявлять повышенный интерес ведущие глобальные акторы (Соединенные Штаты Америки, Европейский союз, Китайская Народная Республика, Индия) и ряд менее влиятельных государств и международных организаций [Вардомский и др. 2023; Черницына 2017: 119–120].

Заинтересованность Украины в Каспийском регионе объяснялась двумя ключевыми факторами: потребность в диверсификации источников поставок энергоносителей в целях обеспечения энергетической безопасности и возможность участвовать в трансрегиональных логических проектах, таких как международные транспортные коридоры или строительство новых трубопроводов. Несмотря на невозможность полноценно конкурировать с более влиятельными участниками международных отношений, Киев вполне мог рассчитывать на выстраивание эффективной внешнеполитической линии, опираясь на собственные преимущества и на опыт взаимодействия с четырьмя членами «Каспийской пятерки», ранее бывшими в составе СССР. В перспективе это могло позволить Украине создать хорошую стартовую площадку в Каспийском регионе для дальнейшего продвижения своих интересов за его пределы и для закрепления за собой статуса одного из ведущих центров формировавшегося Каспийско-Черноморского региона [Айвазян 2020: 209–213].

Однако имевшиеся реальные и потенциальные преимущества Украины были во многом нивелированы теми трудностями, с которыми Украина, как и любое молодое государство, неизбежно столкнулась на самых ранних этапах своего независимого существования. В данном случае речь идет не о внутренних проблемах экономического и социального плана, свойственных всем республикам бывшего СССР в первые годы и даже десятилетия

независимого существования, а о неспособности четко определить и сформулировать государственные и национальные интересы, определить внешнеполитические приоритеты, а также об отсутствии стратегического внешнеполитического планирования, замещавшегося в основном позицией и восприятием различных групп политических и финансово-экономических элит [Курылев 2012: 114–121].

Актуальность исследования политики Украины в Каспийском регионе в 1991–2024 гг. заключается в возможности анализа и оценки характера, методов, форм и направлений деятельности Киева в стратегическом, как для России, так и для глобальных международных отношений, районе. На протяжении последних трех с лишним десятилетий менялся не только статус Каспийского моря, но и характер взаимоотношений прикаспийских государств, усиливались попытки внерегиональных акторов упрочить свои позиции. Украинский кризис, начавшийся в 2014 г. и получивший новый импульс с началом Специальной военной операции (СВО), актуализировал необходимость серьезных изменений в действующей системе международных отношений и конфигурации существующего миропорядка, привел к переоценке Россией своих внешнеполитических приоритетов [Высоцкий 2024]. В новых условиях, когда на более важные геополитические роли выдвигаются новые регионы, одним из которых является Каспийский, важным моментом является пресечение в нем деятельности либо минимизация активности недружественных и враждебных государств.

Новизна представленного исследования состоит в комплексной оценке политики Украины в Каспийском регионе, что предполагает не только выявление и характеристику основных особенностей, тенденций, форм и инструментов ее осуществления, но и анализ корпуса источников (доктринальные документы, двусторонние соглашения и т. д.), сопоставление их положений с реалиями и практической деятельностью Киева, обозначение специфики подходов украинского политического руководства на разных этапах. В отечественной историографии фактически отсутствуют всеобъемлющие исследования политики Украины на Каспии. Предпочтение обычно отдается либо анализу отдельных аспектов (энергетическая политика и инфраструктурные проекты, деятельность ГУАМ и иных организаций, двусторонние отношения Киева с государствами

региона и т. д.), либо характеристике событий и процессов в Каспийском регионе в целом, где Украине совершенно справедливо отводятся второстепенные роли. Пик активности украинских исследований Каспийского региона и деятельности в нем Киева приходится на вторую половину 1990-х – 2000-е гг., т. е. на те периоды, когда Украина декларировала повышенный интерес к Каспию и трансрегиональным проектам. В европейских и североамериканских исследованиях приоритет чаще всего отдавался не оценке политики Украины в рассматриваемом регионе, а отдельным аспектам и процессам, где Украина часто вовсе не упоминалась либо выступала в роли своеобразного фона.

Цель – выявить основные особенности, характеристики и тенденции каспийского вектора внешней политики Украины. Задачи:

- проследить эволюцию политики Украины в Каспийском регионе в обозначенный период, а также изменения форм, методов и инструментов ее осуществления;
- выявить ключевые точки расхождения государственных интересов, положений доктринальных и иных документов с практической деятельностью Киева;
- обозначить схожие черты и отличия внешней политики Украины в Каспийском регионе при президентах Л. М. Кравчуке, Л. Д. Кучме, В. А. Ющенко, В. Ф. Януковиче, П. А. Порошенко и В. А. Зеленском;
- оценить изменение роли Украины в региональных процессах на Каспии (и шире – в Черноморско-Каспийском регионе).

Методы и материалы

Методологической основой для анализа внешней политики государства выступают теории среднего звена (уровня), впервые появившиеся в социологии в середине XX в. Впоследствии такой подход стали применять и в рамках анализа внешней политики и международных отношений. В частности, первый успешный пример синтеза нескольких теорий был продемонстрирован в работе Грэхама Аллисона, посвященной событиям Карибского кризиса [Allison 1969]. В представленном исследовании авторы исходят из того, что внешнюю политику любого государства невозможно проанализировать и оценить с точки зрения одной теории или модели, особенно при рассмотрении этого процесса на длительном хронологическом этапе. В свою очередь,

использование сразу нескольких теорий или моделей дает возможность комплексного исследования, выявления большего количества причинно-следственных связей и т. д.

Применение теорий среднего звена (уровня) для исследования внешней политики Украины в Каспийском регионе позволяет детально изучить, как Киев осуществлял свои подходы ко всему региону и отдельным государствам, какие формы и методы взаимодействия использовал, какие интересы пытался реализовать. В то же время за три с лишним десятилетия независимого существования внешняя политика Украины в отношении Каспийского региона далеко не всегда отличалась последовательностью, а иногда и логикой, поскольку Киев действовал в ущерб собственным стратегическим интересам, увлекаясь политической конъюнктурой либо следуя в фарватере чужой политики.

Другой важной частью методологической основы стала теория международных режимов в трактовке Стивена Краснера (функциональный подход), согласно которой государства создают режим, действуя в рамках законов и соглашений, а также путем выработки неформальных норм [International regimes 1983]. В рамках данного исследования рассматривается система взаимодействия, которая долгое время с большим трудом формировалась странами «Каспийской пятерки». В тот период, когда противоречия между каспийскими государствами не позволяли достичь консенсуса, т. е. режим существовал по сути в неоформленной (имплицитной) форме, Украина могла играть на противоречиях между ними и решать свои собственные задачи. Однако по мере формирования нормативной базы и особенно после принятия в 2018 г. Конвенции о статусе Каспийского моря, придавшей режиму явную (эксплицитную) форму, пространство для внешнеполитических маневров Киева в регионе существенно ограничилось.

Результаты

Первым концептуальным документом внешней политики Украины, отражавшим цели, задачи, принципы и основные направления деятельности Киева на международной арене, стало Постановление Верховной Рады от 2 июля 1993 г. «Об Основных направлениях внешней политики Украины», где к числу ключевых приоритетов относились отношения с приграничными государствами (в первую очередь, с Россией), «географически близкими

государствами», отдельно было выделено «сотрудничество в рамках Содружества независимых государств»¹ (СНГ). Кроме того, стоит отметить, что Украина, согласно тексту документа, намеревалась «развивать свою внешнеполитическую активность на субрегиональных направлениях»².

Каспийский регион или Каспийское море отдельно в документе не упоминаются (разве что опосредованно через упоминание стран Кавказского региона, с которыми предполагалось «сохранять и развивать дружественные взаимовыгодные отношения»³), однако, если принимать во внимание указанные в Постановлении функции внешней политики «обеспечение национальной безопасности» и «создание условий, необходимых для нормального функционирования национальной экономики»⁴, а также группы национальных интересов Украины в сфере международных отношений («стратегические и геополитические интересы, связанные с обеспечением национальной безопасности и защитой политической независимости», «экономические интересы, связанные с интегрированием экономики в мировое хозяйство», «региональные, субрегиональные, локальные интересы, связанные с обеспечением разнообразных специфических потребностей внутреннего развития»⁵), то дальнейший интерес Киева к Каспийскому региону абсолютно логичен и закономерен.

Внешняя политика Украины в период президентства Л. М. Кравчука (1991–1994 гг.) пребывала в статусе становления и развития, вобрав в себя все издержки и противоречия, присущие молодым, но амбициозным государствам. Имеющееся советское экономическое наследие, а также ряд других упоминавшихся выше факторов позволяли претендовать на статус региональной державы на постсоветском пространстве и в рамках формирующегося Каспийско-Черноморского региона (КЧР), выступать в качестве связующего звена между Европой и Азией, в том числе за счет развития отношений с государствами «Каспийской пятерки» [Финько 2009b]. В то же время экономический кризис первой половины 1990-х гг. привел к серьезнейшим последствиям для многих отраслей

промышленности, резкому снижению объемов производства и грузооборота, падению уровня жизни населения и т.д. Кроме того, под прикрытием экономических реформ происходил раздел бывших советских активов между новообразованными финансово-промышленными (олигархическими) группами (кланами), которые впоследствии станут оказывать значительное влияние на формирование внешнеполитического курса и его практическую реализацию [Иванков 2023: 92–100].

Стоит отметить, что именно в этот период своеобразной традицией для Украины станет расхождение между объективными внешнеполитическими интересами и практической деятельностью, когда те направления, которые могли стать стратегически выгодными в будущем, отводились на второстепенные роли, замещаясь размытыми перспективами сближения с европейскими и евроатлантическими институтами и отдельными государствами. Определенные изменения произойдут лишь после президентских выборов 1994 г., когда к власти придет условно пророссийский президент Л. Д. Кучма, придерживавшийся, однако, во внешней политике курса на балансирование между интересами России и Запада (многовекторность) [Ромашенко 2012: 68–70].

В целом период 1991–1994 гг. для внешней политики Украины можно охарактеризовать как начальный или даже нулевой, поскольку, с одной стороны, были заложены доктринальные основы, определены ключевые направления и приоритеты, сформирована структура Министерства иностранных дел и стабилизирована его деятельность. С другой стороны, последствия внутреннего кризиса, противоречивая социально-экономическая политика, расхождения между декларируемыми и практическими шагами на международной арене не позволили Киеву сформировать какой-либо устойчивый курс в отношении Каспийского и Черноморско-Каспийского регионов.

Каспийский регион также в начале – первой половине 1990-х гг. столкнулся с рядом серьезных трудностей. Помимо общих экзистенциальных проблем, связанных с новыми геополитическими

¹ Про Основні напрями зовнішньої політики України. Постанова Верховної Ради України № 3360-XII від 02.07.1993. Платформа LIGA ZAKON. URL: http://search.ligazakon.ua/1_doc2.nsf/link1/T336000.html (дата обращения: 15.02.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

реалиями и необходимостью встраиваться в формирующуюся систему международных отношений, практически каждое из государств «пятерки» столкнулось с собственными внутренними сложностями (оставим за скобками нашего исследования Исламскую Республику Иран, поскольку данное государство не имеет прямого отношения к постсоветскому пространству и не столкнулось с негативными последствиями распада СССР). Во многом эти трудности были общими для всех бывших союзных республик – экономический кризис, ухудшение социально-экономической ситуации, «поиск себя» во внешней политике и т. д. [Беспалов и др. 2017], однако были и другие. Так, Азербайджан вплоть до 1994 г. вел тяжелый вооруженный конфликт с Арменией за Нагорный Карабах, что негативно сказывалось на и так ослабленной экономике, Туркменистан избрал модель закрытого государства, ограничив свое участие в международных процессах.

В таких условиях складывание полноценного Каспийского региона с общей нормативной базой не представлялось возможным. В первую очередь страны «пятерки» должны были урегулировать внутренние проблемы, затем перейти к устранению двусторонних и многосторонних противоречий относительно статуса и раздела Каспийского моря и только затем переходить к формированию режима совместной эксплуатации Каспия. Однако некоторые из каспийских государств настаивали на как можно более быстром установлении границ в целях интенсивного освоения своих частей морского шельфа и добычи полезных ископаемых. В частности, таких позиций придерживались Азербайджан и Туркменистан, рассчитывающие импортировать каспийские углеводороды, тем самым смягчив тяжелую внутриэкономическую ситуацию.

Такой ситуацией могла воспользоваться Украина, установившая в первой половине 1990-х гг. достаточно устойчивые отношения с Азербайджаном, Казахстаном и Туркменистаном, пытаясь диверсифицировать за счет их энергоресурсов поставки нефти и газа, поскольку главным поставщиком выступала Россия, что вызывало настороженность и недовольство среди части украинских элит. Также Киев, помимо обеспечения собственной энергетической безопасности, мог выступать в качестве важного элемента транспортной стратегии ЕС, поскольку через территорию Украины проходили три панъевропейских транспортных коридора (№ 3, № 5, № 9) и коридоры ТРАСЕКА «Европа – Кавказ – Азия» и «Черное

море – Балтийское море». Ключевую роль в большинстве этих транспортных коридоров играли черноморские, дунайские и в меньшей степени азовские Украины (Одесса, Николаев, Ильичевск, Южный, Измаил, Рени, Мариуполь и др.) [Финько 2009а: 43].

Отдельно необходимо упомянуть, что уже в первой половине 1990-х гг. Украина и Туркменистан договорились о поставках газа (фактически восстанавливалась схема газоснабжения времен СССР), что можно считать серьезным достижением. Однако ввиду отсутствия транзитных транскаспийских газопроводов голубое топливо поставлялось теперь не через единую советскую газотранспортную систему (ГТС), а через территории нескольких независимых государств (Узбекистан, Казахстан, Россия), что делало его конечную цену невыгодной для Украины. Негативными факторами выступили также низкая платежеспособность Украины и ряда других стран постсоветского пространства, получавших туркменский газ (Киев, в частности, оплачивал поступающие энергоресурсы не валютой, а оказанием услуг и проведением работ), появление у Ашхабада более перспективных предложений для экспорта от Ирана, Пакистана, Индии, Китая, сохранение контрактов с Россией. В 1995 г. туркменский газ перестал поступать в Украину из-за отказа Москвы от его транзита через свою территорию [Прейгер, Омельченко 2007: 143].

С приходом к власти Л. Д. Кучмы (1994–2004 гг.), придерживавшегося курса многовекторности во внешней политике, Украина активизировала свою деятельность на постсоветском пространстве за счет интенсификации сотрудничества как на двустороннем уровне с отдельными государствами, так и в рамках СНГ и иных региональных международных организаций, а также стала частью процессов евразийской интеграции [Ромащенко 2012: 68–70].

В ходе данного «ренессанса» постсоветского направления Киев вновь вернулся к переговорам с Туркменистаном о возможности поставок газа без использования посреднических услуг России, но все проекты сталкивались с отсутствием альтернативных трубопроводов. В период 1999–2004 гг. Украина и Туркменистан подписали несколько соглашений о поставках через территорию России, но все они носили краткосрочный характер и оказались крайне неустойчивыми к малейшим изменениям на газовом рынке.

В 1997 г. Украина вместе с Грузией, Азербайджаном и Молдовой подписала соглашение о создании

объединения ГУАМ, которое предполагалось на начальных этапах как международная экономическая организация, способная выступить в качестве альтернативного центра силы на постсоветском пространстве [Белашенко и др. 2021: 86–87]. Важными пунктами в первых документах ГУАМ выступали участие в развитии транспортного коридора «Европа – Кавказ – Азия» и строительство новых альтернативных энергетических маршрутов для доставки каспийских углеводородов в Европу⁶.

На практике ГУАМ, поддерживаемый США и ЕС, достаточно быстро перешел от экономических инициатив к политической риторике, что особенно характерно для периода 2005–2008 гг., когда ГУАМ после кризиса первой половины 2000-х гг. был «реанимирован» усилиями Украины и Грузии, переживших ранее «цветные» революции. После этого из потенциального регионального экономического объединения ГУАМ (с 2006 г. – Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ, ОДЭР-ГУАМ) трансформировался в структуру с жесткой демократической повесткой, что привело не только к заморозке ряда проектов (в том числе на каспийском направлении), но и к противоречиям между участниками, поскольку Азербайджан и Молдова в меньшей степени были заинтересованы в переориентации деятельности организации [Там же: 89–90].

Еще одним институтом межрегионального сотрудничества, в котором Украина принимала достаточно активное участие, стала Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), в рамках которой рассматривались инициативы по сопряжению потенциалов Черноморского и Каспийского регионов посредством реализации коммуникационно-логистических проектов. К таким, например, относились идеи создания общего энергетического рынка, выстраивания транспортной инфраструктуры, прокладки магистральных трубопроводов и т. д. Однако в ОЧЭС Украина не рассматривалась в качестве локомотива, ведущие роли

были заняты Россией и Турцией [Plaksenko 2010], что во многом предопределило переориентацию Киева на ГУАМ, где лидерское место было вакантно.

Параллельно с активизацией политики на постсоветском пространстве в рамках СНГ, евразийской интеграции, развития двусторонних отношений, а также по линии ГУАМ Украина в духе политики многовекторности участвовала в европейских и американских инициативах, часто достаточно спорных. Так, в 1996 г. началось строительство нефтепровода «Одесса – Броды» (1996–2002 гг.), который должен был стать частью альтернативного маршрута (Евразийский нефтетранспортный коридор) по доставке энергоресурсов прикаспийских государств (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан) в Восточную, Центральную и Северную Европу в обход территорий России и Турции. Главным вдохновителем проекта выступили США, хотя финансирование строительства происходило исключительно за счет Украины.

Несмотря на кажущуюся перспективность проекта, «Одесса – Броды» не выдержал конкуренции с нефтепроводом «Баку – Тбилиси – Джейхан», построенном в 2003–2005 гг. (запущен в 2006 г.) по инициативе Турции, и с введенным в эксплуатацию еще в 1999 г. нефтепроводом «Баку – Супса» [Финько 2009а: 44]. В дальнейшем «Одесса – Броды» эксплуатировался в реверсном режиме для прокачки российской нефти (с 2004 г. с перерывами). В 2014 г. эксплуатация нефтепровода была полностью остановлена.

К реальным достижениям Л. Д. Кучмы на каспийском направлении можно отнести развитие отношений с Азербайджаном и Казахстаном, что нашло отражение в динамике торгово-экономического и в меньшей степени политического взаимодействия. В 2000 г. президент Украины в ходе визита в Азербайджан для подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве⁷ и Договора об экономическом сотрудничестве⁸ (оба документа

⁶ Совместное коммюнике встречи президентов Азербайджана, Грузии, Молдовы и Украины в Страсбурге (1997). ОДЭР-ГУАМ. URL: <https://guam-organization.org/sovместnoe-kommyunike-vstrechi-prezidentov-azerbajdzhana-gru-zii-moldovy-i-ukrainy-v-strasburge/>; Заявление президентов Азербайджанской Республики, Республики Молдова, Украины и Республики Узбекистан (1999). ОДЭР-ГУАМ. URL: <https://guam-organization.org/zayavlenie-prezidentov-azerbajdzhanskoj-respubliki-gruzii-respubliki-moldova-ukrainy-i-respubliki-uzbekistan/>; Нью-Йоркский меморандум президентов Азербайджанской Республики, Грузии, Республики Молдова, Республики Узбекистан и Украины (2000). ООН. URL: <https://docs.un.org/ru/A/55/434>; Ялтинская хартия ГУАМ (2001). ОДЭР-ГУАМ. URL: <https://guam-organization.org/yaltinskaya-hartiya-guam-2001/> (дата обращения: 15.02.2025).

⁷ Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Азербайджанской Республикой от 16.03.2000. Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=9700 (дата обращения: 15.02.2025).

⁸ Договор между Украиной и Азербайджанской Республикой об экономическом сотрудничестве на 2000–2009 годы от 16.03.2000. Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=9702 (дата обращения: 15.02.2025).

содержали положения о нефтегазовой сфере) выдвигал проект соединения нефтепроводов «Баку – Супса» и «Одесса – Броды», впоследствии отклоненный азербайджанскими властями под предлогом нехватки средств из-за затрат на строительство «Баку – Тбилиси – Джейхан» [Там же: 45].

С приходом к власти в результате «Оранжевой революции» президента В. А. Ющенко (2005–2010 гг.) курс многовекторности во внешней политике был заменен на переориентацию в пользу сотрудничества с США, ЕС и НАТО и продвижения демократии на пространстве от Балтики до Каспия. Постсоветское пространство и Каспийский регион оказались вне ключевых приоритетов Киева, несмотря на заявленную активизацию в рамках ГУАМ [Мухаметов 2010].

Тем не менее продолжались попытки Украины по предоставлению своих услуг в качестве страны-транзитера и поиску альтернативных источников поставок энергоресурсов. Вновь, как и при Л. Д. Кучме, были возобновлены двусторонние переговоры с Туркменистаном о поставках газа и с Азербайджаном об использовании нефтепровода «Одесса – Броды» для доставки каспийской нефти в Европу. С последним переговоры проходили в ходе серии международных энергетических саммитов, проводившихся в 2007–2008 гг. под эгидой Содружества демократического выбора [Финько 2009а: 47–48], возникшего в 2005 г. по инициативе Украины и Грузии при полной поддержке США и ЕС. При этом риторика Киева в энергетическом вопросе претерпела изменения от необходимости обеспечивать собственные потребности за счет диверсификации поставок до демонстрации возможностей выступления в качестве надежного транзитера, что должно было придать вес стремлению Киева интегрироваться в ЕС и НАТО.

При президенте В. Ф. Януковиче (2010–2014 гг.) произошло определенное возвращение к политике многовекторности и возрождение интереса к постсоветскому пространству и евразийской интеграции [Работяжев 2010]. При этом Киев вновь предпринял попытку договориться о закупках туркменской нефти. С 2012 г. в стране усиливается продвижение идей о необходимости получить статус ассоциированного члена ЕС, что впоследствии после отказа украинских властей подписывать документ в ноябре 2013 г., станет поводом к началу Евромайдана,

который закончится государственным переворотом и приведет к Украинскому кризису, продолжаясь до сих пор и перешедшему в феврале 2022 г. в горячую фазу.

Постмайданные президенты Украины П. А. Порошенко (2014–2019 гг.) и В. А. Зеленский (с 2019 г., официальные полномочия истекли в 2024 г.) не проявляли интерес к постсоветскому пространству и Каспийскому региону [Ильинова 2018: 93–97] ввиду нескольких обстоятельств. Во-первых, Украина фактически утратила свою субъективность в мировой политике, четко следуя в фарватере политики других государств. Во-вторых, со второй половины 1990-х гг. государства «Каспийской пятерки» перешли от конфронтации и неспособности консолидировать свои позиции к сотрудничеству, результатом чего стало наращивание нормативно-правовой базы, запуск института каспийских саммитов и подписание 12 августа 2018 г. Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, зафиксировавшей уникальный с международно-правовой точки зрения случай, когда водоем был признан морем, но фактически закрытым для доступа некаспийских стран⁹. В-третьих, внутренние проблемы Украины ограничивали возможности страны на международной арене [Жильцов 2021].

В то же время Украину привлекали к участию в различных транспортных проектах, затрагивающих Каспийский регион: международный транспортный коридор «Юг – Запад» (Индия, Иран, Азербайджан, Грузия, Украина, Польша); Транскаспийский международный транспортный маршрут, который должен был связать Китай и ЕС через территории Казахстана и Азербайджана; интеграция азербайджанских и украинских паромных маршрутов; строительство совместного украинско-туркменского логистического центра в порту Туркменбаши; «разморозка» нефтепровода «Одесса – Броды» и т. д. [Кондратьев 2022: 14–15]. Можно предположить, что перед Киевом в 2014–2021 гг. открылись широкие перспективы по встраиванию в расширяющуюся транспортно-логистическую систему, однако затянувшийся кризис, неспособность и нежелание украинского руководства урегулировать конфликт в Донбассе на приемлемых для сторон условиях, а также фанатичное стремление присоединиться к НАТО и ЕС перечеркнули все имевшиеся наработки.

⁹ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. 12.08.2018. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 15.02.2025).

После начала СВО контакты Украины с государствами Каспийского региона (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан) носят спорадический характер. Можно выделить оказание Азербайджаном гуманитарной помощи мирному украинскому населению и неоднократное появление в зоне боевых действий боеприпасов с азербайджанской маркировкой.

Заключение

По итогам проведенного в настоящей статье исследования представляется доказанным вывод о несостоятельности политики Украины в отношении Каспийского региона ввиду замещения реальных интересов и практических потребностей страны декларациями о неизменности выбора в пользу евроатлантической интеграции.

С одной стороны, может представиться, что у Украины не было серьезных шансов на встраивание в газо- и нефтепроводную, транспортно-логистическую системы, поскольку это затрагивало интересы таких влиятельных акторов, как Россия и Турция, чей авторитет и имеющаяся инфраструктура превосходили украинские возможности, а появление лишних конкурентов для Москвы и Анкары было крайне нежелательным. Однако реальность показала, что рассчитывать на долю в каспийском «пироге» могут многие страны, подтверждением чего служат, в частности, многочисленные проекты, в которых могла бы быть задействована Украина (в первую очередь, речь о периоде 2014–2021 гг.). Но к тому моменту многое было упущено в ходе внешнеполитических метаний Украины, а затем возможности страны были подорваны последствиями Евромайдана.

С другой стороны, свой отпечаток на специфику развития внешней политики Украины в Каспийском регионе наложила ситуация конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда страны «пятерки» еще не сформировали относительно устойчивый международный режим, который впоследствии будет способствовать

росту числа проектов с участием внерегиональных акторов. Современная ситуация предоставляет гораздо больше возможностей для заинтересованных в Каспии стран, чем это было в первые постсоветские годы.

Пример Украины демонстрирует, как наличие хороших стартовых условий для независимого существования вовсе не является залогом успеха в будущем. Территория, экономико-географическое положение, инфраструктура, промышленность и прочее приносят дивиденды лишь вкуче с устойчивой политической системой, продуманным стратегическим планированием внутренней и внешней политики, преемственностью курса, четким осознанием государственных интересов и уровня своих возможностей, а также элитой, ориентированной в своей деятельности на поступательное развитие страны.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Д. А. Белашенко – концептуализация, методология, поиск и анализ источников и научной литературы, написание текста, редактирование. И. Ф. Шоджонов – поиск и анализ источников и научной литературы, написание текста, редактирование. Е. О. Гудкова – поиск и анализ источников и научной литературы, написание текста.

Contribution: D. A. Belashchenko developed the research concept, obtained and analyzed the materials, reviewed scientific publications, and wrote and proofread the manuscript. I. F. Shodzhonov obtained and analyzed the research materials and academic literature as well as wrote and proofread the manuscript. E. O. Gudkova obtained and analyzed the materials, reviewed scientific publications, and wrote the manuscript.

Литература / References

- Айвазян Д. С. Особенности международного сотрудничества в Черноморско-Каспийском регионе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020. Т. 7. № 2. С. 208–218. [Ayvazyan D. S. Particularities of the international cooperation in the Black-Caspian Seas region. *Post-Soviet Issues*, 2020, 7(2): 208–218. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-208-218>
- Белашенко Д. А., Толкачев В. В., Шмелев А. П., Шоджонов И. Ф. Деятельность ГУАМ на постсоветском пространстве: намерения, результаты, перспективы. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика,*

- право. 2021. Т. 14. № 3. С. 84–105. [Belashchenko D. A., Tolkachev V. V., Shmelev A. P., Shodzhonov I. F. GUAM activity in the post-Soviet space: Intentions, results, prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2021, 14(3): 84–105. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-3-5>
- Беспалов Д. Н., Казаков М. А., Лысцев М. С. Каспийский регион в международных отношениях (1990-е – начало 2000-х годов): современная предыстория вопроса. *Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму*. 2017. № 7-8. С. 154–158. [Bespalov D. N., Kazakov M. A., Lystsev M. S. The Caspian region in the international relations (the 1990th – the beginning of the 2000th years): Modern background of a question. *Voprosy oboronnoi tekhniki. Seria 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeistviia terrorizmu*, 2017, (7-8): 154–158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zdiknp>
- Вардомский Л. Б., Дадабаева З. А., Пылин А. Г., Соколова Т. В., Тураева М. О. Каспийский регион в процессах регионализации Евразии. М.: ИЭ РАН, 2023. 74 с. [Vardomsky L. B., Dadabaeva Z. A., Pylin A. G., Sokolova T. V., Turaeva M. O. *The Caspian region in the processes of Eurasian regionalization*. Moscow: IE RAS, 2023, 74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qnmtpe>
- Высоцкий П. А. Геополитика Черноморского региона: ключевые проблемы на современном этапе. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2024. Т. 26. № 3. С. 569–583. [Vysotsky P. A. Geopolitics of the Black Sea region: Key problems of the modern era. *RUDN Journal of Political Science*, 2024, 26(3): 569–583. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ahxooe>
- Жильцов С. С. Внешняя политика Украины: куда ведет страну В. Зеленский. *Постсоветские исследования*. 2021. Т. 4. № 3. С. 189–198. [Zhiltsov S. S. Ukraine's foreign policy: Where is V. Zelensky leading the country? *Postsovetskie issledovaniya*, 2021, 4(3): 189–198. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2618-7426-2021-3-189-198>
- Жильцов С. С. История становления украинского государства (до распада СССР). *Проблемы постсоветского пространства*. 2018. Т. 5. № 3. С. 309–328. [Zhiltsov S. S. History of the Ukrainian state formation (prior to the USSR breakup). *Post-Soviet Issues*, 2018, 5(3): 309–328. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-309-328>
- Жильцов С. С., Тулинов Б. М. Геополитическая трансформация Каспийского региона: итоги и направления развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 2. С. 130–138. [Zhiltsov S. S., Tulinov B. M. Geopolitical transformation of the Caspian region: Directions and development outcomes. *World Economy and International Relations*, 67(2): 130–138. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-2-130-138>
- Иванков К. В. Влияние финансово-промышленных групп на субъектность Украины. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2023. № 4. С. 88–109. [Ivanov K. V. Influence of financial and industrial groups on the subjectivity of Ukraine. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiia i mir*, 2023, (4): 88–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/okegfe>
- Ильинова К. Г. Внешняя и внутренняя политика Украины на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018. Т. 5. № 1. С. 89–100. [Ilinova K. G. Foreign and domestic policy of Ukraine at the present stage. *Post-Soviet Issues*, 2018, 5(1): 89–100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-1-89-100>
- Кондратьев В. В. Украинский кризис и его влияние на геополитическую ситуацию в Каспийском регионе. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2022. Т. 2. № 3. С. 11–22. [Kondratiev V. V. Ukrainian crisis and its impact on the geopolitical situation in the Caspian region. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 2022, 2(3): 11–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vgojbq>
- Курьлев К. П. Эволюция внешнеполитических приоритетов Украины в 1991–2011 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2012. № 3. С. 114–130. [Kurylev K. P. Evolution of Ukraine foreign policy priorities in 1991–2011. *RUDN Journal of Russian History*, 2012, (3): 114–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbqkvl>
- Курьлев К. П., Дегтерев Д. А. Роль и место Украины в СССР: завышенное социально-экономическое и переоцененное политическое влияние (Ч. 1). *Постсоветские исследования*. 2018а. Т. 1. № 6. С. 516–530. [Kurylev K. P., Degterev D. A. Role and place of Ukraine in the USSR: Higher social and economic and overall political influence (P. 1). *Postsovetskie issledovaniya*, 2018a, 1(6): 516–530. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2018-00058>
- Курьлев К. П., Дегтерев Д. А. Роль и место Украины в СССР: завышенное социально-экономическое и переоцененное политическое влияние (Ч. 2). *Постсоветские исследования*. 2018б. Т. 1. № 7. С. 630–647. [Kurylev K. P., Degterev D. A. Role and place of Ukraine in the USSR: Higher social and economic and overall political influence (P. 2). *Postsovetskie issledovaniya*, 2018b, 1(7): 630–647. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yppenql>

- Мухаметов Р. С. Внешнеполитические итоги президентства В. Ющенко и проблемы российско-украинских отношений. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2010. Т. 6. № 2. С. 133–140. [Mukhametov R. S. Foreign policy results of V. Yushchenko's presidency and problems of Russian-Ukrainian relations. *Political Expertise: POLITEX*, 2010, 6(2): 133–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvgsqv>
- Прейгер Д., Омельченко В. Проблемы экспорта туркменского газа: взгляд из Украины. *Центральная Азия и Кавказ*. 2007. № 1. С. 141–155. [Preyger D., Omelchenko V. Problems of Turkmen gas export: A view from Ukraine. *Central Asia and the Caucasus*, 2007, (1): 141–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvrref>
- Работяжев Н. В. Внешняя политика Украины при президенте В. Януковиче. *Россия и новые государства Евразии*. 2010. № 4. С. 33–47. [Rabotyazhev N. V. Foreign policy of Ukraine under President V. Yanukovych. *Russia and New States of Eurasia*, 2010, (4): 33–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swmofd>
- Ромашенко В. А. Основные направления внешней политики Л. Кучмы (1994–2004 гг.). *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2012. № 3. С. 64–75. [Romashchenko V. A. The main directions of Leonid Kuchma foreign policy (1994–2004). *Lomonosov history journal*, 2012, (3): 64–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/prsqrz>
- Рубан Л. С. История Каспийского моря в досоветский и постсоветский периоды. *Наука. Культура. Общество*. 2018. № 1. С. 109–120. [Ruban L. S. The history of the Caspian Sea in before October period and post-Soviet time. *Science. Culture. Society*, 2018, (1): 109–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xuxjgp>
- Финько А. Взаимоотношения Украины с государствами Кавказа в контексте ее политики в Черноморско-Каспийском регионе. *Кавказ и глобализация*. 2009а. Т. 3. № 4. С. 38–52. [Finko A. Ukraine's relations with the Caucasus states in the context of its policy in the Black-Caspian Seas region. *Kavkaz i globalizatsiia*, 2009а, 3(4): 38–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qaqxhb>
- Финько А. Украина, тюркский мир и Центральная Азия. *Центральная Азия и Кавказ*. 2009b. № 2. С. 118–130. [Finko A. Ukraine, Turkic world, and Central Asia. *Central Asia and the Caucasus*, 2009b, (2): 118–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxcsjh>
- Черницына С. Ю. Роль внерегиональных государств на Каспии. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 8-1. С. 119–122. [Tchernitsyna S. Yu. Role of non-regional states in the Caspian Sea. *International Research Journal*, 2017, (8-1): 119–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zddqpr>
- Allison G. T. Conceptual models and the Cuban missile crisis. *American Political Science Review*, 1969, 63(3): 689–718. <https://doi.org/10.2307/1954423>
- International regimes*, ed. Krasner S. D. N. Y.: Cornell University Press, 1983, 384.
- Plaksenko M. Ukraine's place and role in the Black Sea-Caspian region organizations. *Central Asia and the Caucasus*, 2010, 11(2): 146–152. <https://elibrary.ru/pxkaal>